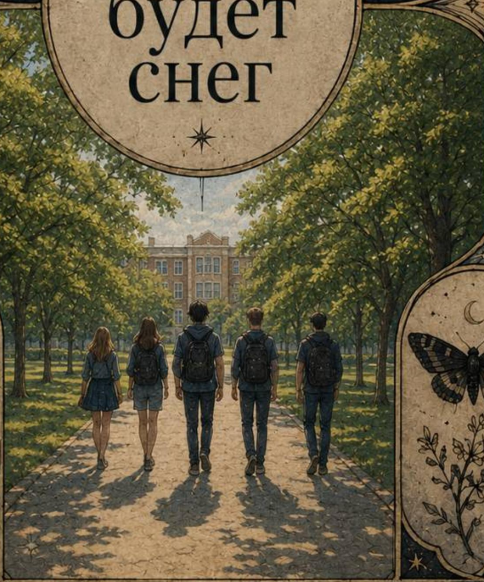
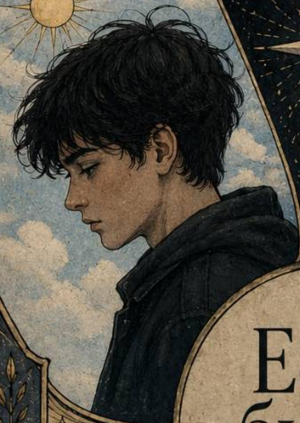

Д. Карьюс

Если
будет
снег

Д. Карьюс

Если будет снег

<https://litres.ru/74053103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как жить, если взрослая, неподъёмная реальность настигла тебя слишком рано? Роман «Если будет снег» — это хроника одного лета, когда компания друзей оказывается лицом к лицу со взрослой жизнью. У них нет инструкций и правильных ответов, поэтому действовать приходится на ощупь, спотыкаясь и раня друг друга.

Это честный и болезненный взгляд на взросление, которое началось не с возраста в паспорте, а с первой непоправимой катастрофы. История о тяжёлых ментальных травмах и удушающем чувстве вины, которое заставляет человека запереться внутри самого себя, спасаясь паническим бегством от мира, где всё пошло не так.

Содержание

На дне фонтана.	4
Первый снег.	9
Газель.	23
Три на три.	34
Там, на вокзале.	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Д. Карьюс

Если будет снег

На дне фонтана.

Меня вдавило в кресло. За окном бешено замелькали картинки: полоса, здания, верхушки деревьев, а потом — лоскут моря внизу. И вдруг всё разом стало синим. Мы поднялись всё выше.

Это был второй полёт в моей жизни. В груди засело ноющее чувство тревоги, но сейчас оно ничего не значило. Важно было другое — я наконец-то лечу домой.

Мои пальцы сжимали книгу в мягком переплёте — «Морфий» Булгакова. Читать особо не хотелось, но чтобы как-то отвлечься, я открыл первую страницу и пробежался глазами меж строчек: «Счастье как здоровье»

Счастлив ли я сейчас? Не знаю. Наверное, пойму это позже. Когда самолёт коснётся полосы в областном центре, а потом такси сделает последний поворот во двор. Может быть, именно тогда я оглянусь и осознаю, что в эту минуту — на высоте в несколько тысяч метров — действительно был счастлив.

Год назад, переступая порог квартиры, я даже представить не мог, как буду скучать. Сейчас же вся прошлая жизнь ка-

залась мне фонтаном в заброшенном парке. Когда-то вокруг него шумела толпа. В жаркие дни к нему тянулись за прохладой, смеялись и бросали на дно монетки, чтобы когда-нибудь вернуться снова. Но время шло, и дно пустело. В какой-то момент люди просто перестали приходить, а сам фонтан высох.

Над головой погасло табло «Застегните ремни». По проходу, плавно покачиваясь, пошла стюардесса. С этой высоты то, что осталось внизу, казалось совсем незначительным. Утратившим прежнюю важность.

Но почему-то здесь, в небе, думать хочется только о земном. О чём-то далёком, как оставленный позади город на берегу моря. О местах, куда уже не купить билет. Даже если бы этот самолёт мог повернуть назад, в прошлое, на десять лет — приземлиться в моём детстве всё равно бы не получилось. В городке, где я вырос, отродясь не было взлётно-посадочных полос.

Я откинулся на спинку кресла и прикрыл лицо кепкой, поддаваясь подступающей дремоте. Первым ощущением стал запах — призрачный, едва уловимый, но он тут же вызвал в голове яркую вспышку. Наша маленькая уютная кухня. На кухонном столе остывает завтрак, на подоконнике громоздятся банки с кофе, а по вечерам вместо верхнего света горит один лишь небольшой торшер.

Шорох одежды над ухом заставил меня приоткрыть глаза. Прямо у кресла стояла девушка в синей форме и озабоченно

смотрела на меня сверху вниз.

— С вами всё в порядке? — её голос звучал мягко и тихо.

— Да, всё хорошо. Просто в сон клонит, — ответил я, поудобнее устраиваясь в глубоком сиденье.

— Вы уронили, — она протянула мне раскрытый «Морфий».

— Спасибо. Не заметил.

— Принесу вам плед. Скоро станет прохладно. Отдыхайте, я разбуду вас перед посадкой.

Уже через минуту я укрылся мягким флисом, закрыл глаза и провалился в воспоминания.

Моя комната: письменный стол, раскладной диван и шкаф для одежды. Скромно, но большего мне тогда и не требовалось. В гостиной бормотал телевизор — просто чтобы прогнать тишину. Было одиноко, но это не пугало, ведь в любой момент мог раздаться телефонный звонок или стук в дверь. Каждый день тогда казался сосудом, до краёв наполненным планами, надеждами и встречами. И его никак не получалось осушить до дна. Как же хорошо, что впереди была ещё целая ночь.

Уголки моих губ поползли вверх сами собой.

Мои семнадцать лет вспыхивали в голове яркими кадрами. Школа. Выпускной класс. Вокруг все безумно волнуются перед экзаменами, но меня это совсем не беспокоит. Вот мы шумной толпой идём после уроков к Егору... Интересно, где он сейчас? А вот мы бродим по улицам с Вадимом, прячась

от полуденного зноя. Курим с Димой в тихих дворах сразу после физики, деля одну сигарету на двоих. Экзамены остались позади, за окном простиралась целая жизнь. Впереди было бесконечное лето, когда школьные стены уже отпустили, а взрослая жизнь ещё не успела предъявить свой первый счёт. Кадры сменяли друг друга, и были настолько яркими, что казались выдуманными.

Я открыл глаза. В иллюминаторе застыла бездонная, ровная синева. Самолёт наконец занял свой эшелон, и впереди оставалось три часа полёта.

Беспокойство внутри сменилось странным, фантомным ощущением. Будто бы я упустил какую-то ключевую деталь, но никак не могу вспомнить, какую именно. Среди всего багажа, оставленного на земле, лишь эта упущенная мысль не выглядела пустяком. Напротив, это было нечто бесконечно важное. Самый главный ответ, который я почему-то умудрился забыть.

От следующей вспышки воспоминаний внутри всё заледенело. Настоящий зимний, пронзительный холод. Я отчетливо видел, как в моей маленькой комнате прямо из-под потолка падает снег. Наваждение, глупая причуда засыпающего разума. Но этот холод не имел отношения к погоде. Он шёл изнутри.

На мгновение показалось, что на кожу упала и растаяла настоящая снежинка. Я поежился и поглубже спрятал руку под плед. Этого просто не могло быть.

Сознание начало медленно поглощать вязкая темнота. Звуки, запахи и лица прошлых лет окончательно смешались в единое целое, превращаясь в монолитную картину. Всё это давно осталось позади. А впереди меня ждало самое тёплое и спокойное лето.

Первый снег.

Странное чувство: открываешь глаза и не ждешь подвоха от наступающего дня. Никакого будильника, никакого привычного желания зарыться головой под подушку. Свет ровно и лениво полз по стене, высвечивая кружащиеся в воздухе пылинки. В комнате всё было по-старому: на столе лежала пачка «Парламента», рядом валялись смотанные в узел наушники и стояла кружка с ободком от вчерашнего чая. Но внутри этого пространства исчезло привычное, давящее ощущение тупика. Комната словно сделала глубокий вдох, и я — вместе с ней.

Экран телефона коротко мигнул, высветив цифры: «09:12. 1 июня». Всего две единицы на дисплее, а внутри как будто провернулся какой-то ржавый замок.

Первый день лета.

Я швырнул мобильник обратно — дышать и правда стало легче. Всё то дерьмо, которое давило последние месяцы — бесконечные пробники, дежурные запугивания учителей и родительские допросы, — разом улетели на дно шкафа вместе со школьной формой. Ближайшие три месяца этого всего просто не существовало. С трудом веря в эту внезапную амнистию, я сгрёб телефон, поднялся и потащился на кухню.

Даже запах закипающего кофе сегодня был другим. Он быстро заполнил пространство и смешался с влажным воз-

духом, тянувшим из открытого окна. На часах не было еще и десяти утра, но весь этот огромный, пустой день уже казался просто затянувшимся вступлением к вечеру. Вступлением к встрече с Лизой.

Одно дело — случайный разговор на вечеринке, и совсем другое — увидеть её при слепящем дневном свете, без спасительного алкогольного тумана в голове. Та ночь вообще казалась чужой историей, к которой я почему-то имел прямое отношение.

Мы пересеклись у Егора. Лиза училась в его классе — из тех девушек, мимо которых в школьном коридоре проходишь сто раз и не запоминаешь лица, а потом какая-то одна деталь — жест, интонация — и она намертво застревает в мыслях. В тот вечер мы сначала просто стояли на веранде, перебрасываясь дежурными фразами, а потом разговор как-то незаметно затянулся, и ближе к ночи я пошёл провожать её домой.

О чём именно мы говорили по дороге, помнил смутно — память выкинула целые куски. Но утром Егор написал: «Ну ты силён, уже на свидание её позвал». Я сидел над телефоном и пытался вспомнить, в какой именно момент проявил инициативу. Наверное, алкоголя действительно оказалось слишком много.

Забрав с плиты турку, я налил кофе и закурил прямо на кухне, выдыхая дым в открытое окно. Обычно в такие моменты я включал музыку — просто чтобы заглушить утрен-

ние мысли и быстрее проснуться, — но сегодня телефон так и остался лежать экраном вниз. Хотелось другого: слушать, как за окном начинается лето. Со двора доносился далёкий гул редких машин, где-то внизу тихо шелестели листья, и этот непривычный покой внутри затихшего спального района работал лучше любого эмбиента. Город никуда не спешил.

Я сделал глоток и потянулся к телефону. Музыку так и не включил. Машинально открыл соцсети и вбил в поиске имя Лизы. Странно, что до этого дня я ни разу не заходил к ней на страницу. В памяти она осталась невысокой, со светлыми, почти алебастровыми волосами чуть выше плеч. И на редких фотографиях в профиле всё было точно так же. Я листал её ленту без особой цели, просто чтобы ещё немного продлить это утреннее предвкушение. Аудиозаписи скрыты, зато в графе «о себе» вместо привычных ссылок на друзей или бессмысленных статусов висел небольшой список: «*Зарубежная проза, модернизм, поэзия*».

Набор, от которого у меня немного свело челюсть. Читать я особо не любил. Книжки штука тяжёлая, если таскаешь её с собой в рюкзаке. Ещё тяжелее она становятся, если оказывается в голове.

Кофе закончился, сигарета тоже. Окурочек отправился в мусорку, а я — в душ.

После этого потянулась рутина, которая помогла окончательно прийти в себя. Пришлось открыть настежь окна, перемыть гору посуды, скопившуюся за пару дней, подмести и

вымыть полы. На этих выходных мама всё равно бы не вернулась, но привычка приводить квартиру в порядок к её приезде въелась под кожу.

Телефон зазвонил, когда я как раз выжимал тряпку в ванной. Время перевалило за полдень. Я не глядя знал, чьё имя светится на экране. Егор никогда не умел выдерживать паузу.

Любому сообщению он предпочитал звонок. Считал, что в переписке слишком много фальши — её всегда можно подправить, переписать или удалить. А вот живой голос не спрячешь, сказанные слова никуда не денутся, и поэтому разговоры казались ему честнее. По этой же причине он никогда не сомневался, что ему рады, и всегда звонил без предупреждения.

Я смахнул зелёную трубку.

— Живой? — вместо приветствия бодро выдал Егор. Голос у него был раздражающе бодрый.

— Почти. Чего хотел?

— Да проверить, не забыл ли ты. Первое июня, погода — космос. А то зная тебя, закроешься в четырёх стенах.

— Помню. Ты трясешься больше, чем я перед физикой.

— Ладно, брат. Короче, на выходных матушка снова уезжает к отчиму в монастырь. Хата свободна, — он сделал короткую паузу, понижая голос. — Можешь Лизу позвать.

Я промолчал, разглядывая мыльные разводы на полу. Егор принял это за согласие. Он вообще не умел просчиты-

вать плохие варианты — в его мире всё всегда шло по плану.

— В общем, жду, — наглец даже не сомневался в успехе.

— Все наши будут. Самый первый сбор лета.

— Посмотрим. Ладно, давай.

— Давай, брат. Завтра жду тебя в «Газели», расскажешь, как всё прошло.

В трубке пошли гудки. Ответить он мне, само собой, не дал.

Я вернулся на кухню, когда небо резко потемнело, и на город обрушился короткий, но яростный летний ливень. Он прошёл быстро, оставив после себя вымытые крыши, большие лужи и густой пар, поднимающийся от нагретого асфальта.

Оставшееся время я убил на плейлисты. В детстве мне отчаянно хотелось научиться играть хоть на чём-нибудь, но деньги в семье всегда уходили на репетиторов и прочие *полезные* вещи. А потом появился компьютер. Я мог часами бродить по пабликам и музыкальным блогам в поисках каких-нибудь малоизвестных треков в нормальном качестве, чтобы добавить в очередную подборку.

Жанры были не важны. Эмбиент, андеграундный хип-хоп, классика — в моих подборках уживалось всё. На шумных вечеринках музыка выполняет роль шумовой завесы. Я собираю свои плейлисты ради другого. Ради моментов абсолютной тишины. Когда трек в наушниках может объяснить тебя лучше, чем любые слова.

За окном незаметно вытянулись длинные косые тени. Солнце садилось. Пора было выходить.

Мы договорились встретиться на смотровой площадке в городском парке — самой высокой точке города. Я пришёл на десять минут раньше и заглянул в кофейню у входа. Девушка за стойкой как раз накрыла пластиковыми крышками два больших стакана на вынос и принялась протирать кофемашину.

Пока ждал заказ, в панорамном окне промелькнула Лиза. Она быстрыми шагами прошла мимо, направляясь в сторону смотровой. За спиной у неё покачивался чёрный чехол от гитары. Лёгкая куртка на несколько размеров больше, узкие джинсы, светлые волосы собраны в небрежный пучок, из которого на ходу выбилось несколько прядей. Она шла так стремительно, что её отражение в лужах едва поспевало за ней.

Закат лениво растекался по мокрому асфальту, окрашивая всё вокруг в золото, и на секунду меня снова накрыло это утреннее чувство. Всё казалось нереальным. Будто показывали кадры из чужого, очень красивого сна.

— Ваш кофе.

Голос девушки за стойкой вернул меня обратно. Я забрал стаканы и толкнул стеклянную дверь.

Нагнать Лизу удалось только у самого края смотровой площадки. Обернувшись на шаги, она не улыбнулась — губы остались плотно сомкнутыми, а взгляд — абсолютно спо-

койным. Но в её лице, в том, как она чуть вскинула голову, что-то едва заметно изменилось.

Или мне просто это показалось.

— Это тебе, — я протянул ей стакан.

Лиза перехватила его пальцами с темным лаком.

— Будем считать, что ты извинился за опоздание.

— Но я не опоздал. Мы пришли одновременно.

— Нет. Я пришла раньше — значит, ты опоздал.

Спорить было глупо. Лиза развернулась и пошла дальше, к перилам смотровой. Я двинулся следом, чувствуя себя немного неуклюже. Возле одной из свободных лавочек она остановилась, аккуратно пристроила чехол между коленями и села, коротко взглянув на меня.

Я устроился рядом, стараясь держать дистанцию.

В её манере держаться не было ни малейшего желания понравиться. И это колючее равнодушие цепляло сильнее любой дежурной кокетливости.

— Так значит, ты играешь на гитаре? — я кивнул на чехол.

— В чехле ружьё.

Ни голос, ни выражение её лица не выдавали шутки. Лиза смотрела прямо перед собой, слегка покачивая стакан с кофе, и в эту секунду мне пришла странная мысль: окажись там действительно оружие, я бы не слишком удивился.

— Ты всегда носишь с собой ружьё на встречи?

— Нет. Только в особых случаях.

По её губам скользнула мимолетная улыбка. Лиза приподняла стакан и сделала глоток.

— Приятно знать, что я — особый случай.

На снимках в соцсетях её глазах казались самыми обычными, тёмно-карими, но сейчас, в лучах заходящего солнца, они вспыхнули чистым янтарем.

— И чем же мой случай настолько особенный? — поинтересовался я.

— Ну как же. Не каждый день парень приглашает девушку на свидание через своего друга, — Лиза опустила стакан на колени и чуть прищурилась. — Случай действительно из ряда вон.

Поднятый стакан замер у моих губ. Не успел сделать глоток — и слава богу, иначе точно бы подавился.

Значит, это Егор передал ей моё приглашение. Сам я почти не помнил, о чём мы говорили той ночью, когда шли до её дома. Но почему-то был уверен, что пригласил её сам.

Потому что Егор так сказал.

Внутри всё перекошилось. И дело было даже не в стыде, а в этом дурацком чувстве, что меня вписали в чужой сценарий, не спросив согласия.

Назад уже не открутишь. Я отпил остывающий кофе и пожал плечами.

— У нас, у людей особых, столько забот, что всё в голове не удержишь. Приходится пользоваться услугами секретаря. Егор отлично с этим справляется.

Лиза улыбнулась чуть шире.

— Недурно.

— Именно. Поэтому предлагаю не терять время. Может, пройдемся по парку, пока совсем не стемнело?

— С удовольствием.

Она поднялась со скамейки и решительно протянула мне чехол. Я перехватил его, и мы двинулись вглубь аллеи.

Дорожка ныряла под низкие, тяжёлые кроны деревьев, пряча нас от остатков заката. Чтобы сбить затянувшуюся паузу, я спросил про книги. И, кажется, угадал.

Мы медленно шли по аллее, утопавшей в тени, а она всё говорила и говорила. Оказалось, в её мире между Толстым и Кафкой не существовало никаких границ. Лизе было плевать на жанры и авторитеты. Её волновало только — задевает ли текст что-то внутри. Она не заглядывала мне в глаза в ожидании одобрения. Просто делилась тем, что искренне любит.

Нагулявшись, мы вернулись к нашей лавочке. Снова сели. На мой взгляд, слишком близко друг к другу. По крайней мере, для людей, которых связывала всего одна незаконченная прогулка. Между нашими плечами оставалось от силы пара сантиметров, и в сгустившихся сумерках я кожей чувствовал исходящее от неё тепло.

Я решил спросить ещё раз:

— И всё-таки почему именно гитара? А не, например, пианино. Мне правда интересно.

Лиза долго молчала, глядя куда-то перед собой, а потом медленно повернулась ко мне.

— Стакан.

— Что?

Она протянула мне свой недопитый кофе.

— Выкинь, остыл уже.

Я отвернулся и молча бросил наши стаканы в стоящую рядом урну.

— Если бы у меня был выбор, я бы не выбрала ни гитару, ни пианино, — в её голосе прорезалось нота, которую раньше я там не замечал. — Терпеть не могу музыку. И всё, что с ней связано, тоже.

Неожиданно. Но отчего-то мне хотелось зайти в эту реку поглубже.

— Родители заставили?

Лиза никак не отреагировала. Она сидела неподвижно, уставившись куда-то в темноту. На мгновение мне показалось, что она перестала дышать.

— Родители, — было заметно, каким неподъёмным оказалось для неё это слово. — Иногда мне кажется, что они просто пытаются прожить через нас свою собственную жизнь. Будто мы обязаны добиться всего, чего не смогли они. А нас при этом даже не спрашивают.

Она говорила спокойно, но слишком прямо.

— Понимаю, — сказал я после паузы. — Меня тоже часто просто ставят перед фактом.

Перед глазами тут же всплыло лицо Егора.

Лиза медленно обвела взглядом панораму города и остановилась на мне:

— А чего ты сам хочешь?

Я усмехнулся.

— Никогда об этом не думал.

— Неужели у тебя нет вообще никаких целей? Чего-то, чего хочется достичь?

— Нет, — и это, пожалуй, было правдой.

Я всегда завидовал людям, которые сумели найти себя. Или хотя бы делали вид, что знают, куда идут. Моё будущее никогда не отражалось в зеркале. Оно существовало для чужих глаз, но только не для моих. Это как смотреть в колодезь безлунной ночью: ты знаешь, что где-то далеко внизу есть вода, даже слышишь, как срывается капля и через долгую паузу отзывается тихим ударом. Но сколько ни всматривайся вниз — видишь только темноту.

Лиза замолчала.

Я повернулся к ней, заставляя её посмотреть на меня:

— А кем бы ты хотела стать?

Она тихо усмехнулась, но в этой усмешке не было радости.

— Мама хочет, чтобы я пошла на учителя музыки. Отец с ней особо не спорит, у него требования проще — «стать достойным человеком».

— Я спрашивал о другом.

Она пожала плечами, уходя от моего взгляда:

— Не знаю.

— Ну хорошо. И какие перспективы в наше время у учителей музыки?

Она снова затихла, словно вспоминала правильный ответ на мой вопрос. Тишина между нами стала почти осязаемой.

— Перспективы у тех, кто играет, а не у тех, кто учит играть. — наконец тихо сказала она. — Да и вообще. Стать кем-то — странное выражение. Как будто сейчас я — никто.

Последний тёплый отсвет лёг на её щёку и медленно погас. В небе начали появляться первые звёзды.

— Не так уж и плохо быть никем, — сказал я почти шёпотом.

Краем глаза я заметил, как она повернулась. Почувствовал её взгляд — уже не янтарный, каким он был на закате, а потемневший, почти чёрный в наступивших сумерках. А затем — дыхание. Тёплое, ровное, совсем близко. Оно едва уловимо коснулось моей щеки.

И ничего не произошло.

Я замер, не в силах пошевелиться. Взгляд словно приклеился к точке, где только что исчезло солнце. Мир вокруг нас стремительно остывал.

Пошёл снег.

Чувства мгновенно превратились в вакуум, вытягивающий тепло изнутри. Стало холодно. Уже не было видно ни зелени деревьев, ни звёзд в небе. Всё вокруг затянуло глухой

белой пеленой.

Меня здесь больше не было.

Вокзал. Ночь. Снег валит стеной. Только редкие фонари пробиваются сквозь эту слепую круговерть. Ноги подгибаются от усталости. Пальцы сводит от холода.

Куда я так спешу?

Наваждение рассеялось так же резко, как и накрыло. Меня коснулось что-то тёплое. Это Лиза накрыла ладонью мою руку и чуть придвинулась, заглядывая в лицо. В её потемневших глазах отражалось июньское звёздное небо.

— Эй, ты всё ещё со мной?

Холод отступил. Я уставился на неё, глупо хлопая глазами, будто вообще перестал понимать человеческий язык.

— Да я с тобой.

— Хорошо, — сказала она.

Вокруг начали один за другим загораться огни ночного города.

Несколько секунд она просто смотрела мне в глаза. Словно и сама успела заметить, как посреди июня пошёл снег. Потом встала со скамейки, подхватила чехол и закинула на плечо.

— Уже поздно. Мне пора домой.

Сознание все ещё было мутным, но вдруг в памяти всплыл утренний телефонный разговор.

— Слушай а не хочешь сходить к Егору на вечеринку в выходные?

— Хм — она чуть прищурилась. — Думаю, можно. Но постарайся в этот раз пить поменьше.

Лиза улыбнулась и пошла к выходу из парка. Я смотрел ей вслед, пока очертания чехла не растворились в сумерках.

Звёзды висели на своих местах. Вдали мерцали цепочки автомобильных фар, город жил своей привычной, шумно жизнью. Но для меня сегодня, так неожиданно, наступило лето.

Газель.

Кухня ещё хранила остатки дрёмы — вязкие, лоскутные, притаившиеся по углам.

События вчерашнего дня всплывали в памяти отдельными кадрами. Будто кто-то показывал мне старый фотоальбом. Лавка в парке. Девушка со светлыми волосами держит меня за руку. Без жалости — только с тихим пониманием чего-то, о чём мы промолчали. Казалось, она знает: однажды это снова заболит. И всё равно не убирает руку.

На сковороде доходила яичница с помидорами, в старой кофеварке шумно булькало. Я подпирал плечом холодильник, который утробно гудел, изображая огромного ленивого кота.

Утренний порядок нарушил дверной звонок. Я выключил плиту и направился к двери. За порогом стоял Коля. Как всегда вовремя.

Ночь он определенно не спал. И судя по всему, провел её не наедине с собственными мыслями. Густой перегар со шлейфом из дешевого табака ворвался в прихожую раньше него самого.

От одного его вида я сам почувствовал себя разбитым. Будто это мне пришлось до рассвета глушить тоску алкоголем.

Мы жили в соседних домах, и он часто заваливался ко мне

после своих ночных исчезновений. Проспать или пересидеть утро. Днём встретить его на улице было почти невозможно. Ночь давно стала для Коли не временем суток, а способом существования.

Сегодняшнее утро не стало исключением. Коля переступил порог и протянул ладонь:

— Здоров. Разбудил?

— Уже нет, — я пожал его руку.

С мученическим видом он потянулся к кроссовкам. Желтые волосы торчали в разные стороны, а в ухе уныло покачивалась серьга. Стянув с ног обувь, он поплёлся вслед за мной на кухню.

— Есть будешь?

— Ага. — Коля тяжело опустился на стул. — Мне бы просто где-нибудь зависнуть, пока мать со смены не вернётся. Домой не попасть.

Я разделил яичницу по тарелкам и вернулся к кофеварке. Не дожидаясь кофе, он сразу взялся за вилку. Коля был из тех людей, которые берут от жизни всё и сразу. И особенно то, к чему прикасаться вообще не следовало.

— Ключи?

— Ключи, — буркнул он с набитым ртом.

Кофе как раз хватило на две кружки.

— Позвонить ей не вариант?

— Телефон утопил.

Он достал из кармана мобильник с треснутым экраном и

положил на стол между нами.

— Твоё любимое кресло тебя ждёт, — сказал я. — Можешь поспать до обеда. Потом мне нужно будет уйти по делам.

— Пускай ждёт.

На губах Коли проступила знакомая дурная ухмылка.

— Слышал, ты себе девчонку завёл.

Моя вилка так и не дошла до рта. Аппетит куда-то пропал.

— Тебе послышалось.

Я принялся шарить взглядом по кухонным полкам и подоконнику в поисках оставленной где-то пачки сигарет.

— Егор обычно не балаболит.

Челюсть невольно сжалась. Мог бы и сам догадаться. В нашей компании секреты жили не дольше, чем сигарета в пальцах Коли.

— Егор любит торопить события. Между мной и Лизой ничего нет.

— Мм... — Коля понимающе прищурился. — Значит, Лизка.

Он усмехнулся и сделал глоток кофе.

— Да пофиг. Есть там чё или нет. Ты главное о себе поменьше трепись.

Я взял со стола его телефон и молча положил на батарею. Экран коротко мигнул треснувшей паутиной.

— Тогда о чём мне говорить?

— Да о любой херне. Понял — начинать знакомство с

описания своей тяжёлой судьбы — хреновая идея.

— А если она спросит?

— Слейся.

Спорить не имело смысла. Скорее Колин телефон снова подаст признаки жизни, чем я смогу переиграть его на этом поле.

Он протянул мне пачку сигарет. Одна из них была перевернута фильтром вниз. Я вытянул соседнюю.

Через секунду кухня наполнилась дымом. Мой взгляд застыл на тлеющем огоньке. Вранье никогда не бывает разовым. Сначала это кажется мелочью, но постепенно ты теряешь ориентиры. У правды хотя бы есть направление, пусть даже мало кто согласится разделить с тобой эту дорогу. Но свернуть с неё — всё равно что шагнуть в глухой лес. Стоит один раз сойти с тропинки, и деревья сомкнутся, похоронив тебя заживо.

Коля выпустил дым в потолок:

— Ты оглох?

— Слышу. — Я сломал сигарету о край тарелки так и не докурив, — Но врать ей не буду.

Он встал и потянулся.

— Ну, значит, время потрачено зря.

Мой гость направился к выходу из кухни, но у двери остановился:

— Если что — я в кресле. До обеда свалю.

— Хорошо.

Коля скрылся в комнате.

На кухне остался только остывающий кофе и запах сигаретного дыма. Я прибрался на столе и ушёл к себе.

В наушниках время ускоряло ход. Стоило закопаться в новые релизы, и остальной мир переставал существовать.

Ближе к обеду донесся щелчок входной двери. Коля ушёл. Не попрощавшись, конечно. Впрочем, провожать его никто и не собирался.

В последнее время мы словно начали говорить на разных языках. Коля всегда вел себя так, будто прочитал спойлеры к чужим жизням. Но сейчас внутри остался липкий осадок. После этого разговора мне до зуда хотелось пойти в душ и смыть с себя этот липкий осадок.

Так и поступил.

Когда я вышел из ванной, часы в гостиной напомнили, что уже пора собираться. Егор ждёт.

По дороге зашёл в ларёк, где никогда не спрашивали паспорт.

Сам не знаю, почему начал курить. Просто однажды купил сигареты, спички и пошёл вглубь дворов. Один — меня никто не подталкивал.

Помню, как-то ночью наткнулся в сети на интервью одного мрачного румына. Он говорил странные вещи. Будто бы человеку легче жить, пока он знает, что в любой момент может всё оборвать.

Эта мысль тогда крепко засела в голове. Наверное, сига-

реты для меня стали чем-то похожим. Просто осязаемым напоминанием.

Я сунул пачку в карман и прибавил шаг.

«Газель» стояла посреди небольшого заросшего парка, где вместо дорожек были протоптанные людьми тропинки. Летом сюда свозили детские аттракционы. Днем Егор работал продавцом билетов на батуты, а ночью оставался их сторожить. Поэтому после заката старая машина превращалась в точку сбора для всех, кому не хотелось возвращаться домой.

Егор стоял у двери «Газели» — в легком бомбере, с неизменно аккуратной укладкой. Рядом с ним любая история быстро переставала быть обычной. Если мы ввязывались во что-то, то всерьез, а отказаться было невозможно. Заметив меня, он быстро свернул телефонный разговор, коротко кивнул, и мы забрались в салон.

Внутри пахло табаком, чужими духами и теплой духотой. Егор сразу уткнулся в телефон, быстро набивая сообщение. За окном мелькали фары, а из колонок тихо тянулся трек про стотысячекрылую стаю птиц, пытающихся вырваться из клетки. Отвлекать Егора в такие моменты было бесполезно, поэтому я просто ждал.

Наконец он отбросил телефон в сторону и посмотрел на меня.

— Ну что, брат. Как прошло?

— Егор, зачем ты это сделал? — я старался говорить спокойно.

— Сделал что?

— Не начинай. Зачем ты передал Лизе приглашение? Ты хоть понимаешь, как это выглядело со стороны?

— Уверен, ты выглядел нормально. Особенно если был без этой дурацкой кепки.

Я шумно выдохнул.

— Хватит, Егор. Я серьёзно. Не надо было лезть.

— Так всё-таки кепка была?

Отвечать не хотелось.

Егор достал сигарету, щелкнул зажигалкой и затянулся. Когда Егор начинал курить посреди разговора, это никогда не предвещало ничего хорошего. Несколько секунд он молчал, глядя куда-то мимо лобового стекла. Потом повернулся ко мне:

— Послушай. Жизнь — это просто кусок времени. Между «нас ещё нет» и «нас уже нет». И всё.

Говорил он непривычно гладко.

— А ты собираешься потратить её на то, чего всё равно не исправишь. Да, прошлого не воротишь. Но можно хотя бы попробовать сделать нормально сейчас.

— Егор, я не хочу

— Конечно, не хочешь, — перебил он. — Полтора года прошло, брат. Полтора. А ты до сих пор ходишь как пришибленный. И все это видят.

Он раздраженно провел рукой по волосам:

— Что тебя держит?

Я отвернулся к окну. Там, за деревьями, сквозь темноту парка беззвучно скользили далекие огни машин.

— Не знаю. Совесть, наверное.

— Совесть?

Егор коротко усмехнулся.

— Мне жаль людей, у которых она есть. Совесть никогда не удержит тебя от ошибки. Зато, сожрёт за неё целиком.

Он щелчком отправил окурок в приоткрытое окно.

— Как любил говорить мой батюшка: совесть делает сильных слабыми, а слабых — жалкими.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что не виноват?

Слова становились камнями. Я вспомнил, как на уроках истории рассказывали про Демосфена, который учился ораторскому искусству, тренируясь с галькой во рту. Интересно, что сложнее — убедить толпу или самого себя?

— Но я не могу, — голос сорвался. — Просто не могу

— А тебе и не нужно, — тихо ответил Егор. — Может, ты вообще никогда себя не простишь. Ну и что?

Он подался ближе, заглядывая мне в глаза:

— В этой яме места хватает только на одного. И оно уже занято.

В салоне вдруг стало слишком тесно. Горло жгло так, будто я глотал сигаретный дым вперемешку с раскаленным воздухом. Но самым страшным были не слова Егора. А то, что возразить мне было нечего.

— Ты ничего тогда не мог сделать, — он так и не отвел от

меня взгляда. — Всё. Забудь.

Забудь? О таком не говорят вслух. Но я готов поклясться, что еще вчера на улице шёл снег. И этот холодный белый шум идет в моей голове полтора года без перерыва. Я знал все, что скажет Егор наперед. Мы топтались по этому кругу слишком много раз. Но сегодня он, кажется, твердо решил докопаться до самого дна.

— Лиза, она... — Егор осекся. Он резко отвернулся к окну и потер лицо ладонью. — Короче, она никого тебе не заменит. Ты и сам это понимаешь.

В темноте салона раздраженно щелкнула зажигалка.

— Но это шанс, брат. Просто шанс начать всё сначала.

Егор вдруг усмехнулся:

— Ты же читал этот роман... как его... «Ставок больше нет» у Картера?

— Сартра.

— Ну да, Сартра. Короче, тебе выпал шанс остаться с нами. Среди живых. И для этого, брат, достаточно просто снова полюбить.

Я процедил сквозь зубы:

— Звучит очень красиво. Только в книжке всё, по-моему, закончилось плохо.

— А мы не в книжке.

В салоне повисла тяжелая, душная тишина. Я молчал, пытаясь переварить то, что в это время переваривало меня.

Где-то глубоко сидела мысль: Егор прав. Настало время

сделать шаг вперёд. Он уже сделан. Меня толкнули в спину, и, чтобы не упасть, пришлось шагнуть. Оказалось, что под ногами всё ещё есть твёрдая земля. На ней можно стоять.

И это ощущалось как предательство.

«Предательство по отношению к кому?» — наверное, спросил бы психолог. Если бы я когда-нибудь до него дошёл. Но я не дошёл. Да и ответ был мне известен без всяких врачей.

— Спасибо, — мой голос всё-таки дрогнул. — Без тебя я бы так и остался стоять на месте.

Егор повернулся ко мне всем телом и улыбнулся. На его лице читалась не радость от победы, а простое облегчение от того, что всё закончилось.

— Всё нормально. Тебя ждёт дивный новый мир, где каждый день будет стоять двадцати предыдущих.

— Это откуда?

— Да чёрт его знает. — Егор махнул рукой. — Какая разница? Лизе, кстати, твоя идиотская кепка понравилась. Сказала, тебе идёт. Хотя, как по мне — ты в ней похож на гопника с окраины.

— Эту кепку вообще-то ты мне и подарил.

— Все мы иногда ошибаемся.

Он лениво потянулся, упершись пальцами в низкий потолок «Газели».

— Так что? Ты пригласил её?

— Пригласил. Просила только в этот раз поменьше пить.

— Не стоит обещать невозможного, — фыркнул Егор. —
Чтобы однажды вместе позавтракать, для начала нужно вместе проснуться.

— Ты слишком торопишь события.

— А кто-то из нас должен.

Голос больше не дрожал.

Всю дорогу до дома я прокручивал наш разговор в голове. А ночью долго лежал в темноте, бессмысленно выводя пальцем круги на простыне.

Шаг вперёд был сделан. Но легче не стало. То, что полтора года держало меня на месте, никуда не исчезло. Просто теперь оно тянулось следом.

Три на три.

Суббота подкралась незаметно, как кошка, умеющая открывать незапертые двери. Дорога в пригород на автобусе тянулась мимо прячущихся в зелени частных домов. На их фоне участок Егора выделялся сразу — панорамными окнами и чисто символическим заборчиком не выше колена.

В дверях показался Саша. Он перевёлся в нашу школу год назад и теперь учился вместе с Егором и Лизой.

— Здорово. Давно не виделись.

Я был рад его встретить, хотя по Сашиной физиономии взаимности было не прочесть. Камни в горах могли бы поучиться его умению держать лицо.

— Привет, Саш.

Короткий кивок, и он отступил, освобождая проход. Изнутри пахло праздником — приторной смесью кальяна и чего-то вроде домашнего пирога.

С порога меня встретила гостиная, затянутая сизым дымом. На огромном диване сидели несколько человек. Они орали, перекрикивая друг друга, и громко, надрывно хохотали. Стены буквально дрожали. Акустическая система на полную мощность выдавала тяжелые низкие частоты какого-то клубного трека.

Я замер на пороге комнаты, не зная, куда себя деть. Кажется, вечеринка давно перевалила за экватор.

— Заходишь? — Саша обогнал меня и двинулся в сторону кухни. Я пошёл следом.

Атмосфера там была потише, но плотность людей зашкаливала. Если в гостиной просто бесились, то здесь заседал «мозговой центр»: стол был заставлен бутылками и пластиковыми стаканами, в центре дымил кальян, а собравшиеся вокруг парни и девчонки внимательно слушали чей-то оживлённый спор.

В центре внимания были двое. Одним из них оказался Егор — его звонкий голос я услышал ещё в прихожей. Вторым — Дима, мой одноклассник. Вечные оппоненты. Не существовало темы, в которой они могли бы сойтись во мнениях. Любая их дискуссия мгновенно превращалась в комедию абсурда, где каждый пытался переплюнуть другого в бредовости аргументов.

Я облокотился о косяк. Если пропустил начало, догадаться о предмете их спора было уже невозможно. Тем более что спорщики уверенно перешли на личности и теперь соревновались в изощренности оскорблений.

Всё закончилось ровно в тот момент, когда Егор заметил меня на входе.

— О-о-о, ну наконец-то! — Егор широко улыбнулся. — Из другого города ехал?

— Вроде того. Автобусы — вещь непостоянная.

— В следующий раз бери такси, — он кивнул в сторону гостиной. — Тебя там вроде ждут.

Я отступил назад в коридор и заглянул в комнату. Лиза была там. Она буквально утонула в глубоком кресле — закинула ноги на один подлокотник, оперлась спиной о другой и со скучающим видом листала что-то в телефоне.

Сердце предательски пропустило удар.

— Пойду поздороваюсь, — бросил я.

— Стоять! — Егор и Дима переглянулись и засмеялись.

— Ты опоздал, брат. С тебя штрафная.

Егор протянул мне стопку, содержимое которой наверняка загорелась бы от одной искры. Я выпил залпом, не морщась. В ушах зашумело, по пищеводу разлилась горячая волна. Лица парней вокруг смазались, словно я примерил чужие очки.

— Хорош, — констатировал Дима.

Я ничего не ответил и, пока алкоголь не ударил в ноги, двинулся в гостиную.

Лиза подняла глаза и тут же села нормально, спрятав телефон в карман джинсов.

— Привет, я

— Ты опять опоздал, — перебила она. — Это уже второй твой косяк.

— Косяк?

— Да. Косяк. Ещё один — и будешь отрабатывать.

Хмельная уверенность мгновенно испарилась, оставив лишь легкую растерянность.

Она поднялась с места.

— Пойдём найдем чего-нибудь выпить. Буду следить, чтобы в этот раз ты всё запомнил.

И понеслось.

Мы едва успели зайти на кухню, а Дима и Егор уже рубились по новому кругу. Спорили о каком-то альбоме с отсылкой к Уэлшу и его аистам. Я не вникал.

В дверях появился Максим и позвал всех на задний двор, где Саша развёл огонь в мангале. Народ засуетился, расхватывая со стола бутылки и стаканы, и вся кухонная компания дружно повалила на свежий воздух.

У крыльца меня перехватил Вадим из параллельного класса. Мы обменялись парой фраз, посмеялись, и он тут же всучил мне стакан с подозрительной зелёной жидкостью.

— Батя на кактусах настаивал, — с гордостью сообщил он.

В обычном состоянии я бы к этой дряни не притронулся. Но после штрафной изображать здравый смысл было уже поздно.

Лиза не отходила от меня ни на шаг. Вокруг это быстро заметили — начались шуточки, понимающие кивки и локти в бок. На нас смотрели как на пару. Для всех всё было решено.

И от этого мне становилось не по себе.

Нет, я был совсем не против. Но внутри всё равно зудело ощущение, будто происходящее — неправильно. Впрочем, рефлексировать времени не осталось: Дима уже собирал людей на площадке для стритбола.

На заднем дворе у Егора стояла баскетбольная стойка и небольшой асфальтированный корт. Всё выглядело довольно топорно, но парней это не смущало.

Играли три на три, до трех забитых. Проигравшая команда в полном составе выпивала по три шота без заправки — так Дима, видимо, интерпретировал классические «тридцать три».

Я оказался в тройке с Егором и Сашей. Напротив уже выстроились Макс, Вадим и Дима. Последний сразу занял место под кольцом и вызывающе хлопнул в ладони:

— Ну что, готовьтесь пить! — крикнул он.

Первое владение досталось нам. Лучшим среди нас был Саша — это понимали все, поэтому уже через пару секунд мяч оказался у него. Егор увёл Макса на дугу, я кое-как заблокировал Вадима, навалившись на него всем телом, и Саша рванул под щит.

Дима подпрыгнул, пытаясь накрыть бросок, но Саня просто переиграл его в воздухе и с силой вогнал снаряд сверху вниз, почти не заметив сопротивления.

Перекошенное кольцо жалобно звякнуло.

— Да ладно?! — заорал Вадим.

— Я его вообще не видел! — возмутился Дима, вылавливая отскочивший мяч.

Теперь атаковали они.

Посмотреть на наш замес подтянулись даже те, кто поначалу сидел на веранде. Незнакомые парни и девчонки уже

вовсю орали наши имена.

Во дворе стало по-настоящему жарко. Чтобы рубашка не липла к телу, я стянул её через голову и подбежал к Лизе.

— Подержишь?

Она молча перехватила её, смерив меня оценивающим взглядом. Оглушенный вниманием, я тут же припустил назад, под кольцо.

Атака уже началась.

Мы собирались играть агрессивно — прессинговать с первых секунд и сразу пытаться отобрать мяч. И ведь почти получилось.

Почти.

Если Саша брал техникой, то Дима пер напролом, как бык, поставленный на две ноги. Едва мяч оказался у него, он рванул вперед. Егор попытался встретить его корпусом — бесполезно. Дима просто снёс его с дороги плечом и понёсся к щиту, где перекрывать траекторию пришлось мне одному.

В моменте показалось, что в меня влетела гружёная фура.

Мир дёрнулся и сделал неполный оборот. Там, где секунду назад редела толпа, вдруг оказалось темнеющее июньское небо. Воздух напрочь выбило из лёгких. Основной удар пришёлся в плечо. Следом вспышкой боли отозвались рёбра, шея и рука. Тело пока ещё не до конца понимало, насколько всё плохо, но первый шок уже сковал мышцы.

На бесконечно долгое мгновение гомон вокруг стих.

Когда в глазах перестало плыть, я попытался приподнять-

ся на локтях. Прямо надо мной уже сидел Егор.

— Эй, ты в порядке? Ничего не сломал?

— Вроде... цел, — сипло выдавил я, пытаюсь вернуть воздух в легкие.

— Если всё двигается — значит, не сломано, — спокойно заключил подошедший Саша.

С его ледяным спокойствием ему прямая дорога в хирургию.

— Этому больше не наливать, — крикнули с веранды. — Чувак в нокауте.

На пороге нарисовался Коля в тельняшке и тапках. В пальцах у него дымила сигарета.

— А ты не очень-то торопился, — буркнул Макс.

— Главное — приехать

— Всё, хорош, — перебил его Егор. — Кто-нибудь финал заснял? Покажите Коляну, какая тут жара была.

Я мысленно выдохнул. Егор очень вовремя перевёл стрелки.

Саша с Димой помогли мне подняться и довели до деревянной скамейки у стены. У автора моего нокаута был на редкость виноватый вид, поэтому я заговорил первым:

— Всё в порядке. Это контактная игра, без таких моментов было бы скучно.

Мой одноклассник заметно расслабился и улыбнулся:

— Да, ты прав. Сейчас принесу тебе что-нибудь лечебное.

Саша вдруг посмотрел мне за спину и окликнул его:

— Погоди. Я с тобой.

Я обернулся. Там стояла Лиза.

— Ну как тебе мой финт?

— Недурно, — она прищурилась с довольной улыбкой и протянула мне рубашку. — Не болит?

— Если не трогать, то ай

Её пальцы немного сжали моё плечо, и резкий прострел в рёбрах заставил меня осечься на полуслове. Картинка перед глазами смазалась, и я невольно согнулся пополам.

Лиза тихонько рассмеялась.

— Боль — признак развития, — произнесла она менторским тоном.

— Ага, — выдавил я сквозь зубы, — развился на все деньги.

Гул голосов со стороны веранды отвлёк нас. Оказалось, Коля приехал не с пустыми руками, а притащил пиццу. Вся толпа постепенно потянулась обратно в дом. Музыка опять гремела на всю гостиную. Кто-то курил у открытых окон, кто-то спорил, пытаясь перекричать колонки. Егор с Димой почти сразу вернулись к обсуждению стритбола. Минут через пять они всю выясняли, кому из-за прерванного матча присуждать поражение. Закончилось всё предсказуемо — выпили они оба.

Дима в итоге отключился, и Вадим потащил его к выходу. Вечеринка официально пошла на спад.

Всё это время Лиза оставалась рядом. Она увлеченно рас-

сказывала о книгах, а я поймал себя на мысли, что мне просто необходимо прочесть хоть что-то из её списков. Иначе я так и останусь для неё всего лишь удобным слушателем.

Около десяти Лиза посмотрела на часы и вздохнула. Я вызвал ей такси, и мы вышли на улицу. Весь вечер рядом с ней меня преследовало ощущение неопределённости. Но стоило подойти к моменту прощания — пусть даже не на долго, — как внутри всё перевернулось и опустело. Этот день закончился слишком рано.

Свежий воздух после прокуренного дома слегка кружил голову. Хотя дело было не только в нём. Машина с жёлтыми шашечками встала у ворот и коротко мигнула фарами.

Лиза повернулась ко мне и заглянула в лицо:

— Ну что, до встречи?

— Да, споемся... — я замялся. — То есть увидимся на неделе.

— Давай, — она улыбулась. — Кстати, если ты всё-таки примешь мою заявку в друзья, договариваться станет намного проще.

Я прижал ладонь ко лбу:

— Чёрт

И сколько дней она уже там висит?

Но развить мысль мне не дали. Лиза резко крутанула меня за плечо. Новая вспышка прошила тело, я рефлекторно подался вперёд. В это же мгновение короткое, тёплое прикосновение обожгло уголок моих губ. Голова пошла кругом.

Когда боль наконец отпустила, Лиза уже отходила к машине.

— Ну, теперь ты точно всё запомнишь, — она улыбнулась.

Дверца хлопнула. Такси тронулось с места и быстро исчезло за поворотом. Я продолжал стоять у ворот, чувствуя, как от поцелуя осталось странное, ноющее послевкусие.

— Алё, у забора! Ты корни пустил?

Из окна кухни по пояс высунулся Макс.

— Заходи давай, только тебя и ждём.

Я невольно усмехнулся и пошел обратно к крыльцу, на ходу прижимая ладонь к ноющему боку. Интересно, все ли он видел со своего поста?

— Уже иду.

Там, на вокзале.

Вечеринка отгремела, и теперь в гостиной нас осталось пятеро. Саша наконец-то добрался до колонки, и по комнате разлилась тягучая атмосфера джазового бара. Коля не отрывался от телефона. Максим переговаривался с Егором, и после каждой фразы они оба смеялись.

Так сложилось само собой: в финале любого вечера случайные люди уходят, а свои остаются. Со временем из нас пятерых сформировался железный костяк. Чтобы попасть в этот круг, достаточно было иметь желание остаться и готовность делить на всех не только выпивку, но и личное. Здесь не таили секретов.

Я сидел в кресле напротив дивана, где развалился Егор. Саша закончил возиться с музыкой и сел рядом — как всегда. Коля наконец отложил мобильник и устался на журнальный столик. На стекле громоздились две начатые бутылки яблочного бурбона, литровая кола, пепельница и наполовину полные стаканы. Максим прислонился к стене у окна и закурил.

Повисла тишина, нарушаемая только джазовыми нотами из колонки. Прелюдия была окончена. Я взял со стола свой стакан — просто чтобы занять руки. Первым начал Коля.

— Хоть какая-то польза от твоего отчима, а, Егор? — на его лице снова появилась дурная ухмылка.

— Полегче, — отрезал Саша, но Егор тут же перехватил:

— Всё в порядке, Сань. Да, если бы он не решил податься в леса, мы бы не смогли вот так засесть.

История там была мрачная: отчим Егора заигрался с допингом и, чтобы окончательно не сойти с ума, сбежал в лесной монастырь. Мать частенько ездила навещать его, а Егор оставался полновластным хозяином дома. В эти дни мы и оккупировали гостиную.

— Это их дела, — подал голос Максим, отлепившись от стены. — Ну а что насчёт твоего будущего? Они всё так же непреклонны?

Егор закатил глаза и уставился в потолок.

— А как им ещё быть? У моих предков нет денег, чтобы оплатить обучение в другом городе. Так что у меня одна дорога.

— Военная академия — это не самый плохой путь, — спокойно заметил Саша.

Я посмотрел на Егора. Он криво усмехнулся, крутя в руках пустой стакан, и заговорил, обращаясь сразу ко всем:

— Да, парни. Мне хотя бы не нужно ломать голову, куда податься после школы. Ох, и не завидую же я вам

Он опустил голову и поймал мой взгляд. На его лице промелькнула усталая улыбка. Я знал, что он не хочет этого. Да и остальные всё прекрасно понимали. Как-то раз он уже признался нам — точно в такой же полутьме, только на квартире у Коли. Тогда он перебрал с алкоголем.

— Давайте не будем о будущем, — предложил я. — Это наводит тоску.

Никто не возражал. Коля хмыкнул и тут же подался вперёд, опершись локтями о колени:

— Базар ноль, давайте о настоящем. Какой вкус у её блеска для губ? Нам всем очень интересно.

Егор и Макс дружно прыснули. Саша, распластавшись на диване, наградил меня одобрительной улыбкой.

Я почувствовал, как по спине стекла капля пота. Отпил ещё.

— Сладкий.

— Неправильно, — покачал головой Коля. — Ты должен был везти её к себе. Ну или, на крайняк, мы бы выделили вам комнату здесь. Поцелуйчик на прощание? Позорище.

— Как-нибудь без тебя разберусь.

— Да куда ты без нас — Егор всё ещё давился смехом. — Брат, с таким подходом ты умрёшь девственником.

Коля откинулся на спинку кресла. Веселье мгновенно сползло с его лица, уступив место хищному прищуру.

— Ну, этого мы наверняка не знаем, — протянул он, глядя на меня в упор. — Он же далеко не всё нам рассказал например, о Соне.

Разговор срезало подчистую. Комната мгновенно замерла. В гостиной ощутимо похолодело. На секунду мне почудилось, что там, за темным стеклом окна, повалил снег.

Звуки возвращались медленно, будто пробиваясь сквозь

толщу воды. Я услышал, как зло выплюнул Максим:

— Ты конченный. Мы договаривались это не трогать.

— Не помню такого, — отмахнулся Коля. — Наверное, меня в этот момент не было.

— Если он не хочет, не надо на него давить, — всегда спокойный голос Саши.

— Тише, парни, хорош, — осадил их Егор. Он выдержал паузу. В его глазах не было злости, только давящее любопытство. — Послушай... Колян, конечно, выразился по-уродски, это да. Но я тоже думаю, что пора. Расскажи. Как всё было?

Максим беспокойно переводил взгляд то на меня, то на Егора. Я тупо смотрел в столешницу. Где-то на периферии слуха ещё бился джаз, смешиваясь с тяжёлым стуком крови в ушах.

«Как это было...» — чужие слова застряли в горле. Комната вокруг словно потеряла чёткость, лица парней поплыли, превращаясь в блёклые пятна. Они двигали губами, но до меня долетали лишь обрывки звуков, потерявшие всякий смысл.

Рассказать сейчас — значит пройти всё заново.

Шаг — и реальность треснула. Под подошвой хрустел промозглый снег.

Декабрь две тысячи пятнадцатого. Я бегу. Вокруг — грязные, заваленные сугробами улицы. Ноги скользят и вязнут. Фонари бьют по глазам сквозь морозную взвесь. Холод прошивает насквозь, но дело не в погоде. Настоящий лед сковал

меня изнутри.

Из темноты проступает привокзальная площадь. Спешить незачем — я понимаю это в ту самую секунду, когда вижу циферблат на фронтоне. И синие, бьющие по заснеженному асфальту проблесковые маячки под ним. Спрашивать не о чем. Всё уже кончено.

Почему это случилось? Потому что я
— Достаточно.

Голос Егора ударил, как пощёчина. Я моргнул — и зимний морок разбился. Снег исчез, синие огни погасли. Я обнаружил себя всё в том же кресле, посреди прокуренной комнаты, где джаз из колонки продолжал играть так, будто ничего не произошло. Егор смотрел на меня в упор. Его лицо было белым как мел.

— Колян, ты рад? Зачем тебе это? — Макс бросил взгляд на окно, будто выискивал повод уйти.

— Да закройся ты, он просто из-за какой-то херни

— Затем, что он не с нами, — перебил Егор. — Он все ещё там, на вокзале.

Только сейчас я осознал, что у меня мокрое лицо. Это были слёзы. Я не мог вспомнить, когда плакал в последний раз — а уж тем более перед парнями. Наощупь, судорожно попытался утереть щеки рукавом рубашки. В этот момент на плечо легло что-то тяжёлое. Рука Саши. Он молча протянул мне обновленный стакан бурбона с колой. Несколько секунд я тупо смотрел на стекло, не понимая, что делать. А потом

выпил залпом — так пьют остывший кофе, просто чтобы освободить кружку.

— Не переживай так. Лизе никто не расскажет. — Саша говорил без улыбки, своим привычным ровным тоном. Сейчас меня меньше всего волновало, узнает ли она.

— Не говори за всех, — снова оскалился Коля.

Саша убрал руку с моего плеча, но промолчал. Егор продолжал смотреть на меня в упор — бледное лицо, прямой, немигающий взгляд.

— Если ты не можешь говорить сам... я скажу это за тебя.

Я хотел ответить — и не смог. Воздух в комнате вдруг закончился, став тонким и ледяным. Пространство между нами сжалось до размеров спичечной коробки.

— Я ведь был с тобой в тот день, — тихо, но отчетливо произнес Егор. — Декабрь, лютый минус, телефоны сели. Мы заглянули к одной знакомой на полчаса. И ты вдруг подрываешься и убегаешь, ни слова не сказав. А утром мы узнаем. Вся школа узнает. Соня... поезд.

Повисла свинцовая тишина. Я чувствовал её вес каждым сантиметром тела, особенно ноющим плечом. Будто эта тупая боль была единственным якорем, не дающим мне снова рухнуть в ледяной кошмар того дня.

— Ты до сих пор уверен, что мог что-то изменить, — продолжил Егор. — Что если бы твой телефон не сел, если бы ты ответил...

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Такие решения не принимаются за один вечер.

Никто не двигался и не дышал. В комнате поселилось нечто осязаемое, и никто не решался нарушить этот морок. Никто, кроме Коли.

— Так что в итоге? Она уехала на поезде?

Я заметил, как Максим и Саша удивленно повернулись в его сторону, но Егор продолжал смотреть на меня в упор.

— Нет, — собственный голос показался мне незнакомым.

— Она осталась здесь

— Прости, но я больше не могу смотреть на то... — Егор осекся на полуслове. — Да чёрт возьми...

— На то, как ты пытаешься лечь рядом с ней, — подхватил Коля.

— Да закрой уже рот! — Макс сорвался с места, но Саша жестко перехватил его за плечо.

— Если бы я оказался дома в тот день... — мой голос сорвался на чужой, сиплый шепот. Судя по лицам парней, они тоже его не узнали. — ...то смог бы всё исправить.

Егор опустил глаза. Теперь он уставился в деревянную столешницу.

— Послушай, брат. Ты бы мог отсрочить это, но не предотвратить. Понимаешь? Всё случилось ровно тогда, когда тебя не оказалось рядом. Если не в тот день, то позже. Ты слышишь меня?

Я слышал, как далеко за окном проехала одинокая машина. Различал прерывистое дыхание парней и то, как секунд-

ная стрелка на настенных часах заканчивает очередной круг. И больше абсолютно ничего.

Сил совсем не осталось. Моим ответом стал лишь слабый, неловкий кивок.

— Походу, разговоры о былом наводят тоску не хуже мыслей о будущем. — Но Колю больше никто не слушал.

Максим и Саша принялись разливать алкоголь. Нам раздали стаканы, но к своему никто не притронулся. Только сейчас я заметил, что музыка в доме уже не играет.

Мы были вместе с четырнадцати лет. Сколько помню, она всегда выглядела так, будто куда-то очень торопится. Высокая, с прямыми тёмными волосами до плеч. Улыбалась она только правым уголком губ. Учителя называли её собранной. Одноклассники — идеальной. Никто не замечал, что её пальцы почти всегда были холодными, а ногти на правой руке обкусаны до самого основания.

А я не обращал внимания.

Она подолгу задерживалась у меня после уроков. Мы готовили какую-то простую еду, спорили над домашкой, а ближе к вечеру я включал музыку, и Соня утыкалась в свой скетчбук. Уходила всегда затемно. На ночь никогда не оставалась.

Мы сидели неподвижно. Казалось, каждый боится нарушить этот хрупкий мир, наступивший после бури. Коля прикурил и протянул мне зажженную сигарету. Егор придвинул пепельницу, будто подводил черту.

— Нам всем нужно поспать, — произнес он глухо. — Чтобы завтра проснуться другими. Лето только начинается, парни. Всё впереди.

Дым обжёг горло. Все впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.